

Юрий ШАФРАНИК
Председатель Совета
СОЮЗ НЕФТЕГАЗО-
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
РОССИИ

“Если потребление природного газа в Европе упадет, и мы потеряем этот рынок, то это будет нашей виной. Это нам очень хорошо понятно.”

В ЦИФРАХ

Запасы природного газа Штокмановского месторождения

3.8 триллиона кубометров

Российский экспорт природного газа в 2012 году

178.8 миллиардов кубометров

Национальная энергетическая политика России утверждена в

сентябре 1992 года

В ожидании ускорения

Созданный после распада Советского Союза, Союз нефтегазо-промышленников России получил свое текущее название в 1995 году, когда «Газпром» вступил в организацию. Союз работает для того, чтобы развивать отношения в нефтегазовой отрасли между российскими государственными и отраслевыми представителями, а также другими игроками.

Как вы оцениваете реформы, которые были введены в нефтяной и газовой промышленности Российской Федерации за последние два десятилетия?

После распада Советского Союза единственным выбором России было создание абсолютно новой политики в отношении развития энергетики. В сентябре 1992 года правительство одобрило концепцию энергетической политики России в новых экономических условиях. Этот документ изложил условия для разработки новой энергетической политики в стране с важными отличиями от предыдущих энергетических программ. Реформы, введенные для содействия разработке в предыдущем десятилетии, были довольно простыми и с малыми инвестициями. Сейчас ситуация стала другой.

Каким образом структура экспорта российского природного газа изменилась за последнее десятилетие?

Как в разведке, так и в добыче было достигнуто многое и было сделано много улучшений. Начиная с 2000 года мы начали заниматься привлечением инвестиций. Мы вернули на прежнее место уровень добычи нефти и смогли более чем вдвое повысить уровень добычи газа до 674 миллиардов кубометров (23.8 триллионов кубических футов) в 2012 году.

В начале 1990-х годов максимальный объем природного газа, который мы могли экспортировать, составлял 100 миллиардов кубометров (3.5 триллиона кубических футов) в год. По предварительным оценкам, наши поставки природного газа в европейские страны в 2013 году составят 152 миллиарда кубометров (5.4 триллионов кубических футов), с дополнительными 74.8 миллиардами кубометров (2.6 триллиона кубических футов) экспорта в Содружество Независимых Государств и Балтии. В настоящее время у нас есть экспортный потенциал в 250 миллиардов кубометров (8.8 триллионов кубических футов), который может возрасти до 300 миллиардов кубометров (10.6 триллионов кубических футов) в зависимости от успеха переговоров, проводимых «Газпромом» по увеличению поставок природного газа через восточный маршрут в Китай.

Наша главная задача сейчас заключается в поддержании нашего текущего уровня экспорта и в то же время в начинании новых проектов, таких как мегапроект Ямал, чтобы разработать огромные запасы природного газа на полуострове Ямал и провести разведку арктического шельфа.

Какие дипломатические вопросы еще не решены относительно поставок российского газа в Европу, а также какие изменения вы предвидите в будущем?

Мы проводим важные разработки, которые позволят нам расширить наши поставки природного газа. Это произойдет с завершением строительства второго газопровода для следующего отрезка Северного потока в апреле 2012 года и с текущим строительством Южного потока для поставки в центральную Европу до 63 миллиардов кубометров (2.2 триллионов кубических футов) газа в год после 2015 года. Завершение Южного потока сильно повлияет на экономику Украины, которая оказалась не очень эффективной транзитной страной. Объемы в стране падают, и они теряют деньги. Мы также теряем много денег из-за значительных инвестиций, необходимых для создания всех инфраструктурных объектов, которые нужны для экспортирования газа.

В то же время у европейцев больше нет шизофренического страха перед Россией. Европейские страны находятся в благоприятном положении для ведения переговоров о ценах на газ, и нам необходимо признавать, что в этом бизнесе клиент всегда прав. Например, Венгрия стала сильнее, потому что она торговалась за более низкие цены на газ. В течение 1990-х годов MOL Group, венгерская нефтегазовая компания, смогла заработать большое количество денег за счет реэкспорта газа.

В течение того же десятилетия Европа была действительно хорошим источником дохода для России. Эти денежные средства теперь могут быть направлены на развитие нашей энергетической дипломатии на Дальнем Востоке и укрепить наши экономические связи с Китаем. Россия может и не является идеальным партнером для Европы из-за нашего стиля ведения бизнеса и из-за текущих проблем, с которыми мы сталкиваемся, но мы работаем над внедрением новых стандартов качества в нашей углеводородной отрасли. Потенциал действительно высок, наши люди высокообразованны, и мы нацелены на создание промышленных альянсов. Сейчас трудно спрогнозировать европейские рыночные условия, а также количество заработанных денег. Это проблема, которую нам необходимо решить. Мы понимаем, что Европа является рынком, который ни в коем случае нельзя потерять. В случае если потребление природного газа в Европе упадет, и мы потеряем этот рынок, то это будет нашей виной. Это мы, со своей стороны, очень хорошо понимаем. ■

Yury K. SHAFRANIK
Chairman
**UNION OF OIL AND GAS
PRODUCERS OF RUSSIA**

“If Europe’s natural gas consumption decreases and we lose that market, it will be our fault. This is something well understood.”

IN FIGURES

Shtokman field natural gas reserves

3.8 tcm

Russia’s natural gas exports in 2012

178.8 bcm

Russia’s national energy policy approved

September 1992

Anticipate acceleration

Created after the fall of the Soviet Union, the Union of Oil and Gas Producers of Russia assumed its current title in 1995 when Gazprom joined the organisation. It works to develop relationships in the oil and gas industry between the Russian state and industry representatives, as well as other players.

How do you evaluate the reforms that have been introduced in the country’s oil and gas industry over the past two decades?

After the breakup of the Soviet Union, Russia’s only choice was to create a brand new policy related to energy development. In September 1992, the government approved the Energy Policy Concept of Russia in the New Economic Condition. This document laid out the provisions for development of a new energy policy for the country with important distinctions from previous energy programmes. The reforms introduced to foster developments in the previous decade were rather basic and there was little investment. That situation is different now.

We need to establish Russia as a centre for the scientific development of new technologies and also invest in other areas, such as oil and gas processing. We are trying to enhance the technological development of the hydrocarbons industry, source international capital and improve working contacts with professionals who will assist us in developing the oil and gas resources along these lines.

How has the composition of Russian natural gas exports changed over the past decade?

A lot has been accomplished and many improvements, both in exploration and production, have been made. Starting from the year 2000, we began attracting investments. We have recovered oil production and managed to more than double the level of gas production to 674 bcm (23.8 tcf) in 2012.

At the beginning of the 1990s, the maximum amount of natural gas that we could export was 100 bcm (3.5 tcf) per year. According to preliminary estimates, our natural gas deliveries to European countries in 2013 will amount to 152 bcm (5.4 tcf), with an additional 74.8 bcm (2.6 tcf) of exports to Commonwealth of Independent States and Baltic countries. Currently, we have an export potential of 250 bcm (8.8 tcf), which could increase to 300 bcm (10.6 tcf) pending successful negotiations carried out by Gazprom to step up natural gas supplies via the eastern route to China.

Our main task is to maintain our current export level and at the same time start new projects, such as the Yamal megaproject to

exploit the vast natural gas reserves in the Yamal Peninsula, and Arctic offshore exploration.

What diplomatic questions remain regarding Russian gas supplies to Europe and what changes do you foresee?

With the second gas pipeline for the next stretch of the Nord Stream completed in April 2012 and the current construction of the South Stream to supply Central Europe with up to 63 bcm (2.2 tcf) of gas per year after 2015, we are undertaking major developments that allow us to expand our natural gas supply. The completion of the South Stream will have a major impact on the economy of Ukraine, which has not proved to be a very efficient transition country. Their volumes are dropping and they are losing cash. We also lose a lot of money due to the substantial investments required to set up all of the infrastructural facilities we need for exportation.

At the same time, Europeans do not have a schizophrenic fear of Russia anymore. European countries are in a favourable position to negotiate gas prices and we must acknowledge that the customer is always right in this business. For example, Hungary has become stronger because it used to bargain for lower prices. The MOL Group, a Hungarian oil and gas company, was able to earn a great deal of money during the 1990s by re-exporting.

During the same decade, Europe was a really good source of income for Russia. This cash can now be directed to develop our energy diplomacy in the Far East and strengthen our economic ties with China. Russia might not be the perfect partner for Europe due to our own way of doing business and the current problems we are facing, but we are working towards introducing new quality standards in our hydrocarbons industry. The potential is really high, our people are highly educated and we aim to create industrial alliances. The present European market conditions and the cash that will be earned are difficult to forecast. This is the problem we have to resolve. We are aware that Europe is a market that we must not lose. If Europe’s natural gas consumption decreases and we lose that market, it will be our fault. This is something well understood on our side. ■